

Топорков В.И.

**Изнанка на лицо.
Приключение в Золотой роте**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В11

В11 **В.И. Т.**
Изнанка на лицо. Приключение в Золотой роте / Топорков В.И. – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 311 с.

ISBN 978-5-519-77328-7

ISBN 978-5-519-77328-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

С О Н Ъ.

Въ одинъ изъ дождливыхъ осеннихъ вечеровъ, наводящихъ тоску и сонъ собрался было я писать фельетонъ въ одну изъ газетъ, хотѣлъ было рассказать въ немъ о дурномъ вліяніи на нашъ организмъ петербургской погоды, о загородныхъ гуляньяхъ, о прошедшихъ и предстоящихъ увеселеніяхъ, о незамѣтномъ разореніи бѣдныхъ людей посредствомъ лотерей — словомъ обо всемъ томъ, что ты, читатель, читалъ и прочитаешь во многихъ фельетонахъ. И вотъ, приготовляясь такимъ образомъ писать, я заснулъ съ перомъ въ рукѣ; проснулся—фельетонъ не готовъ; а потому, чтобы занять хоть чѣмъ нибудь читателей, опишу мой сонъ, который до того поразилъ меня, что до сихъ поръ не могу придти въ себя—до того все было въ немъ послѣдовательно, отчетливо и ясно.

Я вижу, читатель, что ты хмуришь брови и говоришь съ неудовольствіемъ: «не нужно мнѣ твоихъ сновъ, и такъ надоѣлъ уже разный печатный вздоръ» но, въ свою очередь, я прошу тебя: запасись терпѣніемъ, вѣдь читалъ же ты «Петербургскія Трущобы» читалъ «Очерки съ натуры», прочитай же и мой сонъ, можетъ быть най-

дешь въ немъ то, что заставить тебя призадуматься, алицъ видѣнныхъ во снѣ, постарайся отыскать въ натурѣ.

Снилось мнѣ, что будто я уже въ 1869 году, что я ѣду на почтовыхъ по большой дорогѣ, ведущей изъ Сибири въ Нижній - Новгородъ и, не доѣзжая до Нижняго нѣсколько станцій, только - что расположившись почевать, вдругъ услышалъ говоръ, стукъ сабель и бряцанье цѣпей. Все это возбудило мое вниманіе. Я подошелъ къ окну и увидѣлъ партію арестантовъ, препровождающихся въ Сибирь, на поселѣніе и въ каторжную работу. Нѣкоторые изъ нихъ ѣхали на повозкахъ, другіе шли пѣшкомъ безъ цѣпей, а болѣе тяжкіе преступники шли попарно, закованные въ кандалы. Народъ русскій, по своей врожденной теплотѣ души, не разбирая кто такіе преступники, за что ссылались, видѣлъ въ нихъ только несчастныхъ и съ состраданіемъ подавалъ имъ милостыню. Я былъ тронутъ великодушіемъ народа и вышелъ самъ, чтобы подать что-нибудь, утѣшая себя мыслию, что, можетъ быть, и моя ничтожная лепта облегчить участь страждущихъ.

Вдругъ меня поразилъ голосъ арестанта: «помогите несчастному! жену, семерыхъ дѣтей оставилъ!» мнѣ показалось, что гдѣ-то я слышалъ этотъ голосъ. Я невольно вздрогнулъ и повернулся къ арестанту, но въ это время конвойный грубо оттолкнулъ его съ словами: «сколько разъ я говорилъ тебѣ, Алёшка, не лѣзь: господа милостивы, сами подадутъ!» и потомъ обратившись ко мнѣ, продолжалъ, указывая пальцемъ на двухъ скованныхъ вмѣстѣ арестантовъ—одного худаго, тоща-

го, съ вытянутой шеей, будто сорвавшейся съ висѣлицы, съ лицомъ тоже исхудалымъ, покрытымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ бородавками, а другаго плотнаго верзилу, блондина, съ лицомъ, покрытымъ шрамами отъ побоевъ, нанесенныхъ неразчетливою рукою, а можетъ быть и нарочно, чтобы память осталась навсегда...

— Вотъ, ваше благородіе, продолжалъ конвойный, не-сноснѣ этихъ двухъ и въ цѣлой партіи нѣтъ. Одного зовутъ Алешка Заблудный, а другаго — кто называетъ Флюгеромъ, а кто Мишкой Холосовымъ. Начнутъ они рассказывать про себя, такъ ужъ честиѣ ихъ и на свѣтѣ не было, что они только несчастные, задаромъ попались... Одинъ изъ нихъ, говорятъ, былъ въ Питерѣ киммисіонеромъ-шулеромъ и составителемъ фальшивыхъ документовъ и пасквилей, а другой—его помощникомъ; одинъ выдумаетъ какую ни на есть чепуху, да, вишь, самъ-то онъ неграмотный, другой подхватить да и ну строчить на бумагѣ, приговаривая только: «пиши Миша, не бойсь, бумага все вынесетъ», а потомъ и пустятъ они эти пасквили по городу да и продаютъ... Вотъ и есть за что выпить; и долго, кажись, жили бы припѣваючи, да, какъ на бѣду, Алешка поддѣлалъ кому-то *фальшивое завѣщаніе*, а тутъ еще и прежніе казусы открылись; а Холосовъ проворовался, назвался управляющимъ какого-то графа, составилъ фальшивый контрактъ отъ его имени, да потомъ, не въ мѣру напившись пьянъ, избилъ какую-то французишку, любовницу свою, говорятъ. Ей то, бѣднягѣ, дѣло привычное

-

переносить побои; но, видно, черезчуръ хватилъ, такъ, что баба и душу Богу отдала. Вотъ ихъ, рабовъ божьихъ, и ведутъ теперь прохлаждатся».

«Вотъ тѣ два посмирнѣе будутъ, продолжалъ конвойный, указывая на здороваго, толстаго блондина-арестанта, съ раздутымъ, заспаннымъ лицомъ, съ едва прорѣзанными глазами, заплывшими жиромъ, и вообще фizioноміей, выражающей полное тупоуміе, и другаго, скованнаго вмѣстѣ съ нимъ, такого же почти тощаго, какъ Алешка, съ маленькими плутовскими, постоянно бѣгающими глазками, такъ что, взглянувши на нихъ, невольно схватишься за карманъ, не вытащилъ-ли кошелька? Это два малороссійнина; пріѣхали они въ Питеръ для промысла, да и попались... Вотъ этого, толстаго, въ насмѣшку зовутъ *Гребешокъ*. Онъ рассказываетъ, что ходилъ по чужимъ дѣламъ въ Питерѣ, а ему говорятъ: «врешь ты, братъ, должно быть по чужимъ карманамъ»; а другаго озорники прозвали *Цаплей*... Какихъ только именъ не надавали имъ! а позови—каждый откликнется. Цапля, говорятъ, изъ бѣглыхъ крестьянъ (въ крѣпостное время) помѣщика Тербентьева, ограбилъ кого-то, назвался *Орломъ*, да и въ купцы записался, и долго считался купцомъ, хотя во всю жизнь ничѣмъ не торговалъ..... Эти два, нечего сказать, смиренѣхоніе, да за то ужъ совѣсти у нихъ никакой. Ругаютъ ихъ, ругаютъ—купецъ только хлопаетъ глазами, а другою машетъ рукой; слова не выманишь ни у одного. Кажется мнѣ, они что-то недоброе замышляютъ: бѣжать, видно, хотятъ».

— —

Во время этого разсказа, худенькій, небольшого роста арестантъ, съ запуганнымъ лицомъ, въ очкахъ, съ блуждающимъ взоромъ, подошелъ къ сидящимъ двумъ арестантамъ въ повозкѣ, одному бѣзному калекѣ, съ раздробленными ногами, лѣтъ пятидесяти, набѣлѣному съ нафабранными усами, а другому, высокому, съ длинной шеей, какъ у Алешки, съ небольшими усами, съ сѣдоватыми волосами на головѣ, гладко причесанными и съ воровскимъ взглядомъ; подошедшій наклонилъ къ нимъ голову и, опустивъ глаза внизъ, боясь встрѣтиться своимъ взоромъ съ кѣмъ бы то ни было, произнесъ польскимъ акцентомъ: «Боже ты мой, Боже, какъ онъ ихъ отдѣлываетъ!» Калека улыбнулся, посмотрѣлъ на длиннопейнаго и прошепталъ, боясь, чтобы другіе арестанты не услышали: «по дѣломъ имъ, подлецамъ!» а сидѣвшій съ нимъ въ повозкѣ началъ посматривать со злостью, во всѣ стороны, зашипѣвши, точно змѣя, и потомъ пошелъ произносить, шопотомъ же, какія-то заклинанія по-гречески.

— Это кто такіе? спросилъ я конвойнаго.

— На поселеніе препровождаются: вотъ эти два, указалъ онъ на поляка въ очкахъ и на безногаго: — безпаспортные мошенники неизвѣстнаго происхожденія. Одинъ показываетъ себя однодворцемъ какой-то западной губерніи, *Санкевичъ*, другой незаконнорожденный, какой-то *Дурдуковъ*, а третій, что съ калекой въ повозкѣ сидитъ, первѣйшій шулеръ, говорятъ, какой-то грекъ, самъ *Скорпионъ*, по цѣлымъ днямъ со всѣми шепчутся и ругаютъ исподтишка, въ особенности вотъ съ

этими; какъ начнутъ шептаться да ругать всѣхъ за глаза, такъ, кажись, и конца не будетъ (указалъ конвойный на длиннаго-предлиннаго, трех-аршиннаго роста, скованнаго съ другимъ арестантомъ, тощимъ-пре-тощимъ, сморщеннымъ, сгорбленнымъ, съ растрепанными черными волосами и длинной бородой, влочками повывернутой). При взглядѣ на него, такъ и видишь передъ собой юродивваго. Вотъ этого великана прозвали здѣсь *Косъ-Кокосовъ*, изъ позяковъ, кажись тоже, западной губерніи, а другаго, просто, *Николашкой сумашедшимъ*, — Трехъ-аршинный, говорятъ былъ военный, служилъ въ какомъ-то полку, зазвалъ къ себѣ одного помѣщика въ гости, да, съ пистолетомъ въ рукѣ, и отнялъ у него три тысячи рублей. Бѣдняга жаловался, — жаловался губернатору, прошеніе подавалъ, да тѣмъ только и кончилось, что выгнали трех-аршиннаго изъ полка и потушили дѣло, чтобы полка не срамить, а три тысячи такъ и канули. А вотъ Николашка такъ ужъ молодецъ! всю дорогу такъ насъ потѣшаетъ, что просто, отъ смѣху животики надрываемъ... Вотъ, посмотрите, бородка-то его не много повывищена, трех-аршинный рассказываетъ, что Николашка, на свободѣ еще, отпустилъ себѣ бороду длинную-предлинную; ему и говорятъ: «остригъ бы ты бороду, Николашка, не ровень часть поймашься въ воровствѣ-оборвуть! — «Да я десяти тысячъ рублей не возьму, отвѣчаетъ Николашка, за мою бороду; никогда не остригу;» вдругъ, на другой день, смотреть — у Николашки бородка порѣже стала. «Что такъ? говорятъ, должно быть, кушили у тебя часть

бороды»? Николашка молчить, только дико поглядывает да сердится; а въ это время Алешка Заблудный приходит да и рассказываетъ, что, моль, пріятель мой, харьковскій харчевникъ, намялъ ему бока да и бороду выщипалъ тысячъ на шесть. Вломился Николашка въ амбицію да и ну орать во все горло: «а тебѣ, собака, мало бока мiali и купца Мельникова на углу Владимірской и Стремянной, въ домѣ Скосырева, да и твоему пріятелю харчевнику-тоже, когда вы попались въ плутовствѣ!»

Долго бы еще распространялся словоохотливый конвойный, если бы въ это время не помѣшалъ подошедшій офицеръ, начальникъ этапа, который, обратившись ко мнѣ, спросилъ: «что онъ вамъ здѣсь рассказываетъ?»

— Анекдоты про арестантовъ, отвѣчалъ я.

— У насъ здѣсь дневка, продолжалъ офицеръ:—если они васъ интересуютъ, то я вамъ расскажу все, что знаю про нихъ, очень много смѣшного и очень много прискорбнаго.

Тѣмъ и окончился мой сонъ, оставившій во мнѣ весьма непріятное впечатлѣніе.

На другой день, послѣ этого оригинальнаго сна, я отправился къ одному моему хорошо знакомому петербургскому старожилу, знающему очень много изъ закулисной жизни здѣшнихъ обитателей, человѣку весьма неглупому, хотя и съ нѣкоторыми странностями, находящимися въ разладѣ съ здравымъ разсудкомъ, какъ, напримѣръ: вѣра въ предчувствіе и страсть къ толкованію сновъ.

Я рассказалъ ему мой сонъ ради любопытства, чтобы послушать какъ онъ его истолкуетъ.

Онъ, подумавши нѣсколько минутъ, началъ говорить, что сонъ мой, не что иное, какъ предсказаніе, что лица, видѣнныя мною во снѣ, существуютъ въ дѣйствительности и что, вѣроятно, за разныя преступленія, если они будутъ открыты, на самомъ дѣлѣ совершать путешествіе, видѣнное мною во снѣ.

Долго онъ мнѣ рассказывалъ различныя продѣлки этихъ лицъ въ продолженіе многихъ годовъ, рассказъ его не лишень нѣкотораго интереса и подъ вліяніемъ его я обращаюсь къ дѣйствительности, имѣющей очень много аналогіи съ моимъ сномъ.

—

II.

С О Н Ъ В Ъ Р У К У.

Въ послѣднихъ числахъ сентября 1867 года, около одной гостинницы на Невскомъ проспектѣ собрались ночью празднующіяся камеліи, извозчики и разные мимо проходящіе и заглядывали съ любопытствомъ въ окна и двери гостинницы, гдѣ происходило нѣчто въ родѣ драки или, вѣрнѣе, сказать, крупной ссоры,—словомъ, скандалчикъ...

Въ глубинѣ залы, за большимъ столомъ, засѣдало нѣсколько личностей, довольно двусмысленной наруж-

ности, и разговаривали шопотомъ съ какимъ-то безобразнымъ толстякомъ, могущимъ служить футляромъ для всѣхъ толстяковъ обширной Руси, пріѣхавшимъ изъ Москвы, какъ видно изъ разговора, для того, чтобы скрыться отъ кредиторовъ и обдѣлать, если можно, кого-нибудь навѣрняка въ картишки. Тайнственный шопотъ нарушался изрѣдка возгласами одного изъ пептавшихся: «да побѣй ихъ сила небесная, да что съ ними говорить—бродяги!» Крикуна остановилъ на этихъ словахъ сосѣдъ, дергая за фалду сюртюка: «да не горлань, пожалуйста, *Гребешокъ*, вѣдь не одни мы здѣсь, могутъ подслушать: лучше будемъ говорить тише, да выпьемъ по-*божьему*. (Выраженіе странное, но можетъ быть, оно имѣло какое-нибудь тайнственное значеніе въ этомъ обществѣ, а можетъ быть такъ только употреблялось по привычкѣ, безъ всякаго смысла).

Немного въ сторонкѣ, за другимъ столомъ, сидѣлъ постоянный ночной посѣтитель трактировъ, выключенный изъ какого-то клуба за неприличіе, въ военномъ сюртукѣ, нѣкто съ глупой-преглупой фizioноміей, по имени Вановъ, вмѣстѣ со своимъ спутникомъ, промотавшимся горбуномъ Козо-Воробьевичемъ, который, по причинамъ весьма темнымъ, проживалъ въ домѣ Ванова и игралъ при немъ роль шута. За этимъ столомъ не было никакого разговора, а слышалась только пріятельская перебранка. Горбунъ безпрестанно кричалъ:

— Подавай водки! эй ты, болванъ, подай водки!

Приказаніе горбуна оставлялось, однакожъ, безъ всякаго вниманія, такъ какъ денегъ у него своихъ не бы-

ло, а Вановъ объявилъ, что не платить за то, что будетъ подано безъ его приказаній... Въ отвѣтъ на крикъ горбуна Вановъ иногда глупо хахоталъ, а иногда останавливалъ своего шута, говоря ему:

— Молчи, дуракъ, не кричи!

— Самъ ты дуракъ! отвѣчалъ шутъ.

— Молчи, шутъ, не ругайся, а то изобью!

— Смотри, Андрей Ивановичъ, какъ бы я тебя не избилъ! возражалъ шутъ. Когда я пьянъ, ты меня не трогай, не храбрись, а то я тебя обругаю не хуже того, какъ обругалъ Бронтаниновъ, когда ты провожалъ его даму... Что, какъ онъ тебя ругалъ? Подлецъ, мерзавецъ, трусъ! Подойди ты къ нему поближе, онъ бы тебя царапнулъ въ морду, ей-богу царапнулъ бы... Да на что бить? Ругать такъ, какъ онъ тебя ругалъ, и бить—все равно... А ты притворился, что не слышишь; надѣялся что никто не узнаетъ — и не узналъ бы никто, да дворникъ, бывшій свидѣтелемъ по дѣлу Бронтанинова съ дамой, заявилъ въ судъ, какъ тебя ругали. Небось, струсилъ, глазами только хлопалъ да посматривалъ много ли публики!

— Молчи, пожалуйста, не кричи! произнесъ жалостно, притворяясь взбѣшеннымъ, Вановъ.

— Молчи!?—Нѣтъ, не буду молчать, не трогай меня и я не буду тебя трогать, продолжалъ горбунъ все громче и громче. Пусть всѣ слышать, пусть твое начальство узнаетъ, изъ клуба выгнали—пусть и изъ службы выгонятъ, пусть всѣ говорятъ: Ванова обругали, а онъ вступиться за себя не могъ ни на улицѣ, ни въ